

925

К 719 п.п.

И 2324

Д. Прянишников

Памяти П.С. Коссовича.

Проф. Д. Н. Прянишниковъ.

ПАМЯТИ П. С. КОССОВИЧА.

Отд. отд. изъ Журн. Оп. Агр. 1915, кн. 5.

кп
Р С Ф С Р
ГЛАВПРОФ
БИБЛИОТЕКА ЗЫС
СЕМИ

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія Альшулера, Фонтанка 96.
1915.

10
1895

D. Woodburn

Белорусского
 Отд. 925
 Шифр К. 719 п. п.
 Инв. № 53334
 Библиотека
 Сель.хоз.
 Института

10/26

К.

Памяти Петра Самсоновича Коссовича.

Петръ Самсоновичъ Коссовичъ родился 16-го сентября 1862 года въ Горкахъ (Могилевской губ.), гдѣ находилась тогда единственная въ Россіи высшая агрономическая школа (Горигорецкій Институтъ) и гдѣ его отецъ Самсонъ Семеновичъ (впослѣдствіи хорошо извѣстный Москвѣ, какъ директоръ земледѣльческой школы и предсѣдатель общества агрономовъ) былъ преподавателемъ¹⁾. Мать Петра Самсоновича, Анна Александровна—сестра Ивана Александровича Стебута, который тогда также былъ преподавателемъ въ Горигорецкомъ Институтѣ. Такимъ образомъ можно сказать, что съ самаго дѣтства Петра Самсоновича окружала атмосфера агрономическихъ интересовъ, и судьба близкихъ ему людей была связана съ судьбами агрономической школы въ Россіи. Въ 1865 году перешелъ изъ Горокъ въ Петровскую Академію И. А. Стебуть; черезъ нѣкоторое время и Самсонъ Семеновичъ получилъ предложеніе занять мѣсто директора Московской Земледѣльческой Школы; съ тѣхъ поръ семья Коссовичъ поселилась въ зданіи Общества Сельскаго Хозяйства на Смоленскомъ Бульварѣ и для Петра Самсоновича начались годы гимназическаго ученья. Ученье это шло неблестяще, отчасти быть можетъ въ связи со складомъ ума ученика, который склоненъ былъ добиваться во всемъ полной ясности; близкіе къ нему люди помнятъ, что особенно не ладилъ онъ съ исторіей; древніе языки тоже давались нелегко, лучше другихъ предметовъ шли занятія по математикѣ; все таки гимназія такъ или иначе была окончена, хотя и при весьма умѣренныхъ внѣшнихъ успѣхахъ. (Какое предостереженіе для системы приѣма въ высшую школу по конкурсу аттестатовъ!). Въ тоже время П. С. съ юныхъ лѣтъ

¹⁾ С. С. Коссовичъ по окончаніи курса въ Горигорецкомъ Институтѣ былъ оставленъ при кафедрѣ геодезіи и командированъ въ Лѣсной Институтъ на два года для работы по своей специальности, причемъ ему пришлось жить чуть ли не въ томъ самомъ домѣ, гдѣ одно время была квартира и Петра Самсоновича.

к

проявилъ интересъ къ сельскому хозяйству, еще мальчикомъ увлекаясь собственноручной культурой цвѣтовъ и овощей на грядкахъ, которыя отводились каждому изъ дѣтей Самсона Семеновича, а затѣмъ принимая постоянное участіе въ полевыхъ работахъ на Бутырскомъ Хуторѣ вмѣстѣ съ учениками школы; благодаря же общенію съ агрономами—педагогами (начиная съ отца и дяди), на такой почвѣ у П. С. выросъ серьезный интересъ къ естественно-научнымъ основамъ земледѣлія, получившій преобладаніе надъ всѣми другими интересами. Отсюда рѣшеніе—прежде чѣмъ думать о Петровской Академіи, пройти курсъ естественно-историческаго отдѣленія въ университетѣ.

Въ университетскіе годы (1883—87) естествознаніе поглощаетъ все вниманіе П. С.; исключеніе дѣлается только иногда для симфоническихъ концертовъ и „субботъ у дядюшки“ (И. А. Стебута), гдѣ бывають профессора Университета и Петровской Академіи. П. С. работаетъ преимущественно по химіи у В. В. Марковникова, но когда появилась работа Гелльригеля (1886 г.) объ усвоеніи азота бобовыми, и это дало поводъ К. А. Тимирязеву назначить тему на золотую медаль именно изъ этой области, то П. С. берется за этотъ вопросъ и его работа премируется золотой медалью.

По окончаніи Университета П. С. поступаетъ въ Петровскую Академію, гдѣ используетъ возможность больше, чѣмъ прежде, учиться у Стебута (особенно всѣмъ петровцамъ памятны „бесѣды“ Стебута—его семинаріи по основамъ земледѣлія) и продолжаетъ работать у Тимирязева (используя для лѣтнихъ опытовъ теплицу на опытномъ полѣ). По окончаніи Академіи (1889 г) П. С. оставляется при кафедрѣ земледѣлія (тогда это дѣлалось на основаніи конкурса).

Годы оставленія были посвящены, какъ чтенію литературы (въ связи съ подготовкой къ магистрантскому экзамену), такъ и экспериментальной работѣ. Экзамены П. С., вмѣстѣ съ авторомъ этихъ строкъ, рѣшили сдавать при Московскомъ Университетѣ, въ виду прекращенія пріема въ Академію и предрѣшеннаго закрытія ея.

Къ годамъ оставленія при Академіи относится работа на тему: черезъ корни или листья поступаетъ свободный азотъ въ растенія. На этой работѣ, вошедшей потомъ въ составъ магистерской диссертациі сказалась характерная для П. С. рѣшимость не отступать передъ опытами, требовавшими длительного напряженнаго труда—въ данномъ случаѣ предстояло изолировать то надземныя части, то корни растеній, и въ теченіе всего вегетацион-

наго періода пропускать токъ газа (водородъ+кислородъ, иногда +углекислота), свободного отъ азота¹⁾. Развитие растеній, несущихъ клубеньки, показало, что азотъ долженъ быть доставленъ корнямъ (это тогда было важно показать въ виду противоположныхъ утвержденій Франка, считавшаго, что бобовыя поглощаютъ азотъ черезъ листья).

На осень 1891 г. приходится *pro venia legendi* и на январь 1892 года—открытіе приватъ-доцентскаго курса по агрономической химіи въ Университетѣ. Тѣмъ временемъ приходитъ разрѣшеніе ходатайства о двухлѣтней заграничной командировкѣ, которую Петровская Академія передъ закрытіемъ еще успѣла исходатайствовать для своихъ оставленныхъ.

Главнымъ пунктомъ для продолженія работы П. С. за-границей послужила с.-хоз. бактериологическая лабораторія Альфреда Коха въ Геттингенѣ, гдѣ онъ ставилъ опыты по усвоенію азота водорослями въ чистыхъ культурахъ; кромѣ объѣздовъ опытныхъ станцій и высшихъ школъ въ Германіи и Франціи, П. С. работалъ одинъ семестръ у Дюкло въ институтѣ Пастера (темою было усвоеніе азота воздуха свободно живущими бактеріями), но затѣмъ онъ опять вернулся въ Геттингенъ къ Коху. Затѣмъ слѣдуетъ возвращеніе въ Москву, защита магистерской диссертациі и назначеніе на кафедру почвовѣдѣнія и земледѣлія въ Лѣсной Институтѣ.

За 20 лѣтъ пребыванія на кафедрѣ въ Лѣсномъ Институтѣ П. С. развиваетъ обширную и многообразную дѣятельность, какъ изслѣдователь, учитель и организаторъ.

Темы работъ П. С. отчасти продолжали носить характеръ фи-

¹⁾ Нужно отмѣтить, что обстановка для работы въ то время была много менѣе благоприятна, чѣмъ теперь: не только не было въ продажѣ готовыхъ „бомбъ“ съ жидкимъ кислородомъ, но не было въ Петровской Академіи и газа (работали на спиртовыхъ горѣлкахъ), въ тепличкѣ на опытномъ полѣ, удаленной отъ лабораторіи работать было еще труднѣе. Помню, что П. С., чтобы избѣжать храненія въ газометрахъ и загрязненія благодаря диффузіи, добывалъ кислородъ на мѣстѣ, замѣнивъ реторту кускомъ желѣзной трубы, закрытой съ одного конца и вмѣщавшей запасъ бертолетовой соли на значительный срокъ. Эту трубу нужно было нагрѣвать три раза въ сутки, при чемъ одинъ разъ приходился на ночное время; сложная система для промыванія газовъ (кислорода и водорода) и регулированія ихъ тока, требовала напряженнаго вниманія. Позднѣе отъ Гелльригеля автору пришлось услышать, что онъ также помышлялъ о постановкѣ опыта въ токѣ чистаго газа (лишеннаго азота), но отказался отъ этого изъ-за техническихъ трудностей.

зіологічеській, но на ряду съ этимъ выступаетъ и постепенно начинаетъ преобладать рядъ вопросовъ агрономической химіи—вопросовъ, касающихся взаимоотношенія между растеніемъ, почвой и удобреніемъ, при чемъ предпочтеніе отдается вопросамъ, выдвигаемымъ русской сельскохозяйственной дѣйствительностью. Тутъ мы имѣемъ и изученіе свойствъ фосфоритовъ, учетъ роли растенія въ ихъ использованіи (заслуживаютъ быть отмѣченными длительные опыты съ учетомъ углекислоты, выдѣляемой корнями, съ фильтраціей питательнаго раствора въ теченіе всего вегетаціоннаго періода); растворяющей роли почвы и значенію вносимыхъ одновременно съ фосфоритами солей также удѣлено много вниманія; отмѣтимъ въ особенности опыты съ солями аммонія въ стерильныхъ культурахъ, примыкающіе къ фізіологическому ряду опытовъ о сравнительномъ значеніи амміачнаго и нитратнаго азота. Далѣе идутъ вопросы о бактеріальныхъ удобреніяхъ (нитрагинъ, алинитъ), какъ способахъ повышенія азотистаго питанія, вопросы о денитрификаціи, какъ факторѣ обратнаго направленія. Особо заслуживаетъ быть отмѣченной работа по вопросу о клевероутомленіи, которому П. С. удѣлил много вниманія; и здѣсь опыты съ стерильными культурами и съ внесеніемъ питательныхъ веществъ имѣли цѣлью анализъ сложнаго явленія, расчлененіе на отдѣльные факторы (последовательное проведеніе принципа „divide et impere“, наиболѣе умѣстное именно въ дѣлѣ изслѣдованія, въ борьбѣ съ неизвѣстнымъ). То же мы видимъ въ работѣ по известкованію, на которую навели П. С. наблюденія надъ свойствами сѣверныхъ подзолистыхъ почвъ въ своемъ небольшомъ имѣньи (Смоленск. г.); но и почвы другихъ районовъ привлекали вниманіе Петра Самсоновича, что сказалося въ работахъ надъ солонцами, въ монографіи о черноземѣ; химическіе анализы почвъ, въ связи съ критикой существующаго литературнаго матеріала, физическія свойства почвъ, вопросъ классификаціи въ связи съ генезисомъ почвъ—всему этому отдана крупная дань въ работахъ П. С. Но не только „растеніе и почва“, „растеніе и удобреніе“, „удобреніе и почва“, а также и атмосфера въ отношеніяхъ къ растенію и почвѣ была предметомъ изученія со стороны П. С.—начавъ въ молодости съ азота атмосферы, въ послѣднее время П. С. занялся круговоротомъ сѣры и хлора въ природѣ; онъ далъ въ одной изъ книжекъ своего журнала обильную матеріалами работу по этому вопросу, куда вошли анализы и горныхъ породъ и атмосферныхъ осадковъ и учетъ потребности растенія въ сѣрѣ.

е имѣя возможности дать здѣсь не только сколько-ни-

будь подробный обзоръ, но даже и бѣглый перечень всѣхъ трудовъ П. С. мы лишь отмѣтимъ что характерными чертами для нихъ являются на нашъ взглядъ слѣдующія: критическое отношеніе къ постановкѣ собственныхъ опытовъ, стремленіе къ расчлененію вопроса; настойчивость въ достиженіи разъ поставленной цѣли, хотя бы это стоило длительного напряженнаго труда; въ связи съ этимъ стоитъ стремленіе къ возможной осторожности въ выводахъ, согласно извѣстному завѣту Буссенго: „*Il faut savoir se critiquer soi-même; c'est seulement quand on a épuisé toutes les objections, qu'on en a pesé la valeur, qu'il faut conclure*“.

Но П. С. не только самъ работалъ по ряду вопросовъ фізіологии растеній и агрономіи, онъ былъ, какъ сказано, еще и организаторомъ: онъ первый въ Россіи превратилъ свою каѳедру въ опытную станцію, добившись возможности приглашенія ассистентовъ свободныхъ отъ учебныхъ обязанностей. Въ этомъ отношеніи наши условія рѣзко отличаются отъ условій Германіи: тамъ каждый профессоръ располагаетъ возможностью имѣть неучебныхъ ассистентовъ, помогающихъ ему исключительно при постановкѣ опытовъ; такъ какъ эти ассистенты тамъ приглашаются на срокъ не выше трехъ лѣтъ, то страна имѣетъ постоянный притокъ лицъ, подготовленныхъ лучше, чѣмъ студенты; это какъ бы добавочные выпуски, надстройка надъ высшей школой. При этомъ профессоръ имѣетъ возможность создавать школу ближайшихъ учениковъ-сотрудниковъ, между которыми онъ распредѣляетъ части общей работы и которые учатся въ самомъ процессѣ работы; отсюда вѣдь и проистекаетъ обиліе трудовъ, выпускаемыхъ каѳедрами въ Германіи, а изъ противоположныхъ условій—трудность работы для нашихъ профессоровъ, лишенныхъ помощниковъ при исполненіи экспериментальныхъ работъ. У насъ приходится еще наталкиваться даже на отсутствіе признанія хотя бы въ принципѣ необходимости того, что въ Германіи давно вошло въ жизнь, т. е., что каждая каѳедра не есть только „Lehrapparat“, но и „Forschungsapparat“; вспомнимъ, какъ еще недавно въ вѣдомствѣ просвѣщенія склонны были думать, что университеты это лишь учебныя заведенія, а двигать науку впередъ—такъ это дѣло Академіи Наукъ.

Нѣкоторые шаги къ исправленію этой погрѣшности дѣлаются у насъ въ высшихъ школахъ вѣдомства Земледѣлія, и самая первая брешь въ этой китайской стѣнѣ (прикрѣпощенности ассистентовъ только къ учебнымъ обязанностямъ) была пробита Петромъ Самсоновичемъ: имъ созданная рядомъ съ каѳедрой

сельскохозяйственная лаборатория съ особымъ персоналомъ дала томы изслѣдованій, служащихъ украшеніемъ нашей агрономической литературы, и изъ нея вышелъ рядъ сотрудниковъ, продолжателей дѣла агрономическаго изслѣдованія въ Россіи.

Проявленіе инициативы и организаторскихъ наклонностей особенно ясно сказалось въ созданіи П. С. Журнала Опытной Агрономіи. О такомъ журналѣ, который служилъ бы для Россіи тѣмъ же, чѣмъ являются „Versuchsstationen“ и „Centralblatt“ для Германіи или чѣмъ были „Annales agronomiques“ для Франціи, велась рѣчь на съѣздѣ естествоиспытателей 1898 года въ Кіевѣ, гдѣ въ принципѣ было принято агрономической секціей, а затѣмъ и съѣздомъ, пожеланіе относительно созданія такого органа. П. С. рѣшилъ начать дѣло на свой страхъ и рискъ, не дожидаясь результатовъ воздѣйствія кіевского пожеланія на какія-либо сферы; онъ не только взялъ на себя бесплатный трудъ редактированія и другой работы по журналу, но и рискъ убытковъ, каковыя покрывалъ изъ своего профессорскаго жалованья въ теченіе 10 лѣтъ (съ 1910 года журналъ сталъ получать субсидію).

О роли журнала, ставшаго не только настольнымъ для агрономовъ и почвовѣдовъ, но хорошо извѣстнаго и ботаникамъ, здѣсь распространяться не приходится; но отмѣтимъ, что кромѣ значенія для русскаго читателя, журналъ этотъ, благодаря помѣщаемымъ въ немъ резюме оригинальныхъ работъ на иностранныхъ языкахъ, проложилъ дорогу и за-границу¹⁾.

Той же цѣли ознакомленія Запада съ русскими работами П. С. способствовалъ участіемъ въ международныхъ конгрессахъ по прикладной химіи (между прочимъ и въ послѣднемъ амери-

¹⁾ Эта попытка Петра Самсоновича сообщить результаты русскихъ работъ на иностранныхъ языкахъ заслуживаетъ, на нашъ взглядъ, дальнѣйшаго развитія, именно желательно было бы давать для иностраннаго читателя рефераты или обзоры всѣхъ главныхъ работъ, появляющихся на русскомъ языкѣ въ разныхъ изданіяхъ; если это окажется громоздкимъ для журнала, назначеннаго для русскаго читателя, то нужно раздѣлить эти двѣ задачи, при чемъ иностранные рефераты или обзоры должны бы издаваться на особые средства за счетъ Департамента Земледѣлія; если этого не будетъ сдѣлано, то Западная Европа и далѣе не будетъ имѣть никакого представленія о той суммѣ научной работы, какая теперь производится въ Россіи по разнымъ отдѣламъ агрономіи, а это незнаніе есть одинъ изъ тѣхъ факторовъ, которые поддерживаютъ традиціонное представленіе о Россіи, какъ о странѣ варваровъ, и которые, несомнѣнно, способствовали тому, чтобы германское правительство могло оправдывать войну съ Россіей въ глазахъ своей страны.

канскомъ); отдѣльно заслуживаетъ быть отмѣченнымъ выступленіе съ обобщающимъ докладомъ по вопросу о классификаціи почвъ въ связи съ ихъ генезисомъ въ Стокгольмѣ (II Internat. Agrogeologen-Konferenz).

Весьма дѣятельное участіе принималъ П. С. въ Ученомъ Комитетѣ вѣдомства Земледѣлія, особенно въ комиссіи по опытному дѣлу; его критическое отношеніе къ вносимымъ проектамъ и стремленіе къ возможному уясненію всего значенія предлагаемаго мѣропріятія часто предостерегало отъ поспѣшныхъ шаговъ къ централизаціи опытнаго дѣла; особенно противился онъ попыткамъ регулированія научной работы изъ центра, подчиненію мѣстнаго изслѣдованія какому-либо шаблону; то же самое относилось и къ вопросамъ школьнаго дѣла: П. С. всегда настаивалъ на большомъ довѣрїи къ мѣстнымъ начинаніямъ и возражалъ противъ слишкомъ легкаго реформированія школъ уже сложившихся, когда оказывалось, что онѣ не подходятъ къ тому, что проводится въ данный моментъ по принятому за общее правило рецепту.

Насквозь проникнутый интересами научной работы, П. С., однако, не отказался принять на себя отвѣтственную роль выборнаго директора въ трудный періодъ жизни русской высшей школы; вначалѣ выборные директора должны были работать при быстрой смѣнѣ теченій, въ какомъ-то крутящемся циклонѣ, испытывая давленіе то съ одной, то съ другой стороны. Первый періодъ директорства П. С. относится къ 1905—07 годамъ. Вторично къ нему обратился совѣтъ Лѣснаго Института въ 1909 г., въ моментъ обостреннаго кризиса, приведшаго къ закрытію Института и увольненію всѣхъ студентовъ. П. С. съ трудомъ пришлось налаживать занятія въ Институтѣ; но въ это время дулъ другой вѣтеръ, и оставшійся тѣмъ же самымъ П. С. по этому времени оказался неподходящимъ съ другой стороны, чѣмъ въ первый періодъ: послѣдовали обвиненія въ попустительствѣ, распусканіи студентовъ.

Когда П. С. увидалъ, что выборный директоръ вынужденъ получать директивы не отъ коллегіи, его избравшей, то онъ съ твердостью настоялъ на своей отставкѣ (это предшествовало на 2—3 мѣсяца извѣстному выходу въ отставку президіума Московскаго Университета).

Петръ Самсоновичъ принималъ еще дѣятельное участіе въ обществѣ вспомошествованія нуждающимся студентамъ Лѣснаго Института, былъ предсѣдателемъ этого общества; а въ послѣднее время онъ сталъ во главѣ организаціи по устройству лаза-

рета для раненыхъ въ Лѣсномъ; событія военнаго времени тяжело сказывались на немъ, и даже въ болѣзни, когда ясность сознанія стала слабѣть, мысли о войнѣ не оставляли его.

Въ Петрѣ Самсоновичѣ мы, такимъ образомъ, потеряли не только настойчиваго научнаго работника, дарившаго намъ цѣнные результаты собственныхъ изслѣдованій, не только опытнаго руководителя, прививавшаго своимъ ученикамъ умѣнье критически относиться къ себѣ самимъ, но и дѣятельнаго организатора, оставившаго послѣ себя готовыя рамки для продолженія работы въ нѣсколькихъ направленіяхъ; а сверхъ того—и чело-вѣка независимаго образа мыслей, не поддававшагося давленію съ какой бы стороны оно ни шло; это не часто встрѣчающійся въ русской жизни обликъ, и преждевременная утрата въ дан-номъ случаѣ особенно горька.

Когда весной этого года автору настоящихъ строкъ приходи-лось бесѣдовать съ товарищами по Петровскому-Разумовскому о предстоящихъ по случаю 50-тилѣтія Академіи выборахъ въ почетные члены, то было ясно, что прежде всего право на такое званіе среди дѣйствующихъ представителей русскихъ агрономи-ческихъ кафедръ принадлежитъ Петру Самсоновичу; такимъ обра-зомъ въ качествѣ почетнаго члена онъ опять вошелъ бы въ составъ той школы, которая въ 1889 году выпустила „кандидата сельскаго хозяйства П. С. Коссовича“. Но судьба рѣшила иначе, не позволила намъ почтить его при жизни, заставила плести ему вѣнки изъ некрологовъ.

Но лучшимъ вѣнкомъ для почившаго товарища нашего бу-детъ поддержаніе всѣхъ его начинаній и слѣдованіе его при-мѣру въ стойкости, въ упорномъ стремленіи къ достиженію разъ поставленныхъ себѣ цѣлей; вотъ если бы такая дисциплина ума и воли могла быть привоспитана молодымъ силамъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ до сихъ поръ, то родинѣ нашей не было бы страшно въ будущемъ соперничество ни ближняго запада, ни дальняго востока!

Д. Прянишниковъ.

